

П.И. Гайдено, Н.В. Постнов

События 1096 г.: незамеченные страницы церковно-княжеских отношений

Последние десятилетия на фоне динамически изменяющихся подходов в историографии и источниковедении мы можем наблюдать широкое применение не только новых методов исследования, но и процесс постепенного формирования новых научных традиций, который особенно ярко прослеживается в изучении проблем истории Древней Руси. Примерами этого могут служить работы А.А. Горского, И.Н. Данилевского, А.В. Назаренко, М.Б. Свердлова и многих других. Между тем вопросы истории древнерусской церкви, особенно в части, касающейся церковно-государственных отношений в Киевской Руси, к сожалению, остаются вне критического внимания научного сообщества. Более того, налицо «ренессанс» устойчивых мифов и стереотипов, сложившихся и господствовавших еще в XIX в. и получивших в настоящее время новую силу не без участия образовательных центров Русской православной церкви.

Все многообразие политических, социально-экономических и культурных процессов Киевской Руси, безусловно, сводится к христианскому византийскому влиянию. Примером этого могут служить работы М.Н. Никольского и С.Г. Пушкарева [1–2]. Более того, такая ностальгическая струя проникла и в учебную литературу [3, с. 298–318]. При этом в качестве безусловных авторитетов и образцов используются работы по истории Русской церкви, написанные в середине XIX и начале XX в. Правда, забывается, что большинство этих исследований, получивших широкое распространение в современной образовательной среде, были не более чем учебниками, предназначенными для духовных учебных заведений со всеми вытекающими отсюда последствиями, как то политическая и религиозная ангажированность и тенденциозность, тесно связанные с реалиями жизни православной церкви синодального периода. Если учесть, что большинству из этих трудов уже более ста лет, а самое главное – в исторических построениях, касающихся истории древней русской церкви, в большинстве церковных исследований отсутствовали реальные источники, замененные традиционными клише, нельзя не признать, что взгляд авторов по ряду вопросов может быть признан морально устаревшим. Отказ от внимательного анализа источника стал своего рода нормой для сторонников указанного подхода. И это несмотря на то, что еще Филарет Черниговский, автор первого учебника по истории Русской православной церкви, требовал от историков церкви непримен-

ного обращения к источнику [4, с. 416]. Необходимость этого была осознана немногими, среди которых можно было бы назвать митрополита Макария (Булгакова), Е.Е. Голубинского, В.О. Ключевского, Н.Я. Аристов, П.В. Знаменского, А.В. Карташева. Более того, курс истории Русской церкви не имел и до сих пор не имеет хрестоматии, что само по себе ненормально. К сожалению, настоящая традиция закрепились в образовательных и научных центрах столиц, получив тем самым общероссийское звучание.

Правда, при этом мы должны признать существование и иного подхода к изучению древнерусской церкви и государства, представленного особым мнением казанских ученых XIX–XX вв. Отличительной особенностью их позиции стало рассмотрение истории церкви не только исходя из морально-нравственных и догматических ценностей православия, а в первую очередь основываясь на экономических и социальных предпосылках, что вполне естественно предполагало критическое прочтение и осмысление источников. Неслучайно именно преподавателем Казанской духовной академии Н.Я. Аристовым был создан труд, по сути выполнявший функции хрестоматии по истории Русской церкви [5]. Однако работа ученого не получила должной поддержки и распространения в церковной среде, осев в университетских библиотеках. Не менее замечательным исследователем был И. Бердников [6]. И хотя в отношении Древней Руси его взгляды не расходились с традиционной точкой зрения, однако критический анализ синодального периода церковного права вышел за мерки XIX в. Весьма интересна была судьба учебника по истории Русской церкви П.В. Знаменского, дипломатически удерживавшегося от резких выводов. Однако признание несовершенств церковной жизни, запечатленных в нашей церковной истории, стали достаточным основанием для определения его труда, с точки зрения Антония (Амфитеатрова), ненаучным [7, с. 6–7].

Традиция критического осмысления источников в научной среде Казани не пресеклась. Примером этого может служить позиция И.П. Ермолаева. Несмотря на то, что его внимание главным образом сосредоточено на проблемах становления российского самодержавия, при рассмотрении вопросов развития церковно-государственных отношений он признает значительным и решающим влияние социально-экономических факторов. Такая точка зрения нам близка и понятна.

Не пытаясь охватить весь древнерусский период истории Русской церкви, мы обратим наше внимание на события 1096 г., к сожалению, не замеченные историками церкви, но имевшие, как нам видится, принципиальное значение для истории православия в средневековом восточнославянском обществе.

Любечский съезд, фактически фиксирующий, по замечанию В.А. Томсинова, превращение удельных князей в «самостоятельных государей» [8, с. 48–49], не мог не сказаться на состоянии дел в русской митрополии, поэтому особую значимость представляют события, предшествовавшие знаменитому княжескому съезду.

Под 1096 г. Повесть временных лет сообщает: «Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Иди в Киев, да заключим договор о русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнивший дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня ни епископу, или игуменам, или смердам». Текст весьма примечателен с точки зрения как церковной, так и гражданской историй. Не пытаясь искать какие-либо подтексты, например библейские, отнесемся к словам о суде в привычном для нас значении.

Действительно, официальное приглашение, направленное от братьев к Черниговскому князю, предусмотрительно скрывало суть собрания, о всех целях которого он, если не знал точно, то небезосновательно догадывался. Итак, если верить Олегу Святославичу, главным вопросом съезда были не декларируемые цели объединения сил против половцев, а задуманный над ним суд.

Как верно отмечал И.Н. Данилевский, особенностью княжеских «снемов» (съездов), вошедших в политическую традицию Руси со времен Ярославичей, были попытки «договориться об основных принципах разделения власти и одновременно о взаимодействии в борьбе с общими противниками» [9, с. 158]. Но если тройственный, а потом двойственный союз Ярославичей порой оценивался еще как «факт, не совсем обычный для феодальных порядков» [10, с. 28–38], то съезды конца XI в. **считались явлением нормальным**. Впрочем, в отношении того, насколько эффективными были результаты этих «снемов», мы должны согласиться с мнением И.П. Ермолаева, настаивающего на том, что «факт состоит в том, что княжеские съезды оказались бессильными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного» [11, с. 55].

Игнорирование Олегом Святославичем съезда ясно указывает на то, что на Руси мы не имеем ни безусловного авторитета старейшины рода, ни безусловного авторитета съездов. Перед нами свидетельство углуб-

ления и торжества феодальных отношений на Руси. Как полагают большинство историков, инициатором столь сложного дела мог выступать Владимир Мономах. Ю.В. Сухарев считает, что «в 1097 г. Владимир Мономах попытался собрать княжеский съезд, чтобы осудить своего главного противника Олега Черниговского, обвинив его в дружбе с половцами» [12, с. 79]. Подобной позиции, например, придерживался И.Д. Беляев. Автором княжеского послания он считал не двоих союзников, Святополка и Владимира, а последнего, Переяславского князя, видевшего в земском самоуправлении «источник своей силы и могущества» [13, с. 51–52]. Возможно, именно поэтому в дальнейшем, уже в период межкняжеского противостояния 1097 г., киевская верхушка обратится к Мономаху, видя в нем авторитетнейшего из русских князей этого периода. Что же касается судей, то их обязанности отводились епископату, обязанному Переяславскому князю своими доходами. Именно их руками двоюродные братья желали разрешить укorenившиеся между ними противоречия (дело в том, что древнерусское право не знало законодательства, регулировавшего межкняжеские отношения). Об этой цели съезда, намеренно скрытой или по меньшей мере не афишируемой Владимиром и Святополком, мы узнаем из презрительного ответа Олега, по сути высмеивавшего братьев, не решавшихся самостоятельно, собственными силами обуздать своеволие Черниговского князя. «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам».

Ясно одно: нарочитое акцентирование внимание Святополка и Владимира на участии в съезде духовенства было «ложно» и «демагогично» [14, с. 224–225]. Здесь трудно согласиться с В.О. Ключевским, видевшем в собрании «думу» [15, с. 76]. Задуманное не имело прецедента в древнерусской судебной практике и, естественно, могло быть легко отклонено обвиненной стороной, с чем мы и имеем дело. В.И. Сергеевич дал замечательную характеристику судебной практике Древней Руси. «Этот древнейший процесс (имеется в виду судебный процесс вообще. — П.Г.), происходивший перед представителями власти, отличался, однако, некоторыми признаками, перешедшими из периода самоуправления. Авторитет суда был еще очень слаб. На первом плане не деятельность суда, а деятельность сторон. <...> Формальный приговор суда не всегда был нужен. Исполнение приговора наступало не столько в силу решения судьи, сколько в силу особого соглашения сторон» [16, с. 420].

Однако в смелом ответе Черниговского князя нас привлекает иное. Чем можно объяснить его решительность, противопоставившую Святославича объединенным силам братьев и их сторонников? Пытаясь ответить на этот вопрос, В.В. Мавродин утверждал, что подобно тому, как Святополк и Владимир прикры-

вали свои намерения авторитетом киевской городской элиты, за дерзким ответом Олега Святославича стояли черниговские бояре, самостоятельная позиция которых особо привлекала известного ученого [14, с. 255–256]. Правда, последнее обстоятельство побуждает нас поставить, как нам видится, весьма важную проблему: не было ли причиной появления рядом с князьями бояр, епископата и городских верхов то, что все они были не менее искренне, чем Рюриковичи, заинтересованы в перераспределении военно-политических, административных и экономических сил на Руси? Учитывая, что к этому времени церковь и боярство начинают превращаться в феодалов, вопрос приобретает особую значимость.

Несостоявшийся или не достигший своей цели суд имел видимость более или менее равноправного с князьями положения всех участвующих в процессе сторон. Эта проблема касается прежде всего статуса самих князей, как великих, так и удельных. В.А. Томсинов очень удачно отметил, что не имея развитого, наподобие того, как это было в Византии, «бюрократического» аппарата, Киевский князь обладал широчайшим кругом обязанностей. Однако в своих отношениях с другими князьями, членами своего рода, «он был, скорее, первым среди равных, нежели подлинным единовластцем», осуществляя свою власть не самостоятельно, а совместно с разрастающейся родней [8, с. 20].

Итак, на съезде должны были присутствовать князья, вслед за ними честь отдавалась епископам и игуменам, третье место принадлежало мужам, т.е. боярам уже давно почивших Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, Изяслава, Святослава и Всеволода (по-видимому, эта часть боярства была связана узами не с отдельными линиями Рюриковичей, а со всем родом, что естественно выделяло их из боярско-дружинной среды внуков Ярослава), и, наконец, «люди городские», представители городской общины. Повторимся: участие бояр (но бояр не здравствующих князей, а князей уже умерших), духовенства и городских общин, связанных с родом Рюрика вассальными отношениями, в равном с сюзереном праве принятия решения на княжеском съезде, один из вопросов которого касался судьбы члена правящего дома – факт для Руси беспрецедентный. На особое положение участников предстоящего съезда указывает применяемая форма «перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими» [17, стб. 220; 18, стб. 228–229]. Она очень похожа на библейскую форму «перед лицом Божиим». Возможно, что ее использование связано с попыткой придать будущему обсуждению и последовавшему бы за ним решению сакральный характер, основанный на проведении аналогии между Русью и Израилем. Не забудем, что «между наиболее мелким князем и наибольшим боярином лежит непроходимая бездна» [19, с. 78–79].

Боярин – не член княжеского рода, и это обстоятельство было хорошо осознаваемо в древнерусском обществе. Что же касается представителей городов, то их правовое положение в древнерусском обществе было еще ниже. О статусе же епископата и игуменов говорить еще труднее, поскольку одна их часть была представлена иностранцами, к другой же относились выходцы из тех же не княжеских сословий.

Все это указывает на то, что для решения выносимых на съезд 1096 г. вопросов князьям не доставало авторитета. И именно в силу этого они прибегли к помощи представителей высших слоев русского общества, находившихся по отношению к ним в более низком и даже зависимом состоянии. Но, естественно, обращение было адресовано не ко всей их полноте, а лишь к ее элите. Таким образом, суд над Олегом должен был состояться в присутствии этой так называемой элиты, а не просто феодальной верхушки. Но что следовало бы в этом случае понимать под первыми и вторыми? В чем их различие?

Под «верхушкой» вполне естественно было бы подразумевать представителей высшего слоя древнерусского государства: феодалов, класс для Руси еще не вполне сформировавшийся и представленный главным образом выходцами из дружинной среды. Элита же – это несколько иной статус. Его отличительная черта выражается не столько в экономическом либо военном доминировании, сколько в доминировании политическом, моральном, интеллектуальном или же способности влиять на сами политические, военные и экономические процессы. Представитель элиты – далеко не всегда феодал. Однако его социально-политическая роль сопоставима с функциями, какие несла на себе светская и духовная феодальная знать. Эти функции прежде всего связаны с формированием тех социально-экономических, идейных и религиозных условий и настроений, в каких жило общество и функционировали государство и его институты. К сожалению, проблема этого различия в отечественной историографии в достаточной мере еще не освещена.

Кого можно считать феодалом, а кого элитой? Этот вопрос неспроста, тем более, если мы говорим о церкви. Церковь – феодал, но феодал ли ее член? Монастырь – феодал, но является ли таковым рядовой насельник обители? Все ли племянники Всеволода Ярославича – элита, сказать трудно, но то, что к таковой относятся преподобные Антоний и Феодосий, которых никак нельзя назвать представителями феодальной верхушки Руси, – несомненно.

Так для чего же было собрано столь внушительное собрание, причем во главе с князьями и епископами? Почему епископам, значительная часть которых была византийскими подданными и прежде не пользовалась полным доверием княжеской власти, вдруг, неожиданно отводились должности судей над Оле-

гом? По-видимому, причина одна: в случае принятия какого-то очень важного судебного постановления или заключения некоего соглашения озвученное на съезде решение подтверждало свою законность и легитимность представительностью участников процесса, во главе которого формально стояли представители «нейтральной стороны», Константинополя. Какое же решение должно было быть принято? Не решался ли вопрос если и не об отстранении Олега от власти, то по меньшей мере об ограничении таковой? Между тем это был не единственный вопрос, который собирались вынести Владимир и Святополк на съезд 1096 г. А.В. Назаренко высказывал предположение, что в следующем году на Любечском съезде Святослав мог быть исключен «из числа наследников Киевской земли, что было естественно, поскольку княжение их отца Святослава Ярославича, изгнавшего из Киева, признавалось узурпацией...» [20, с. 682].

Съезд 1097 г. в Любече действительно подтвердил, что в 1096 г., помимо задуманного над Олегом процесса, должны были быть достигнуты договоренности и об устройстве Русской земли. М.А. Дьяконов отмечал, что «договор как источник права играет в древнее время более крупную роль, чем в наше время». Причем одной из функций договора – создание «правил, регулирующих внутренний строй государства». Причем «это очень часто вынуждается бедностью наличных объективных норм или их крайнею неопределенностью» [21, с. 31]. Заключение договора между двоюродными братьями было единственной мерой, способной решить возникавшие между ними разногласия в условиях отсутствия правовых норм, регулировавших междукняжеские отношения.

Вполне возможно, что уже к 1096 г. в стране существовали, но еще не были в достаточной мере закреплены феодальные отношения. А значит, вопросы об устройстве, а фактически и о разделе Древней Руси и принципах наследования древнерусских земель (уже именно земель, а не территорий) не могли быть решены положительно без сидевших уже в то время на земле бояр, монастырей и городских общин. О заинтересованности в изменении административно-политической ситуации на Руси «земств» писал еще М.С. Грушевский, повествуя о событиях XI–XII вв.: «...земли все более и более проявляют стремление не только приноровиться к новым государственным отношениям, но и приноровить их к своим интересам и на почве нового, княжеско-дружинного уклада возобновить свою отдельную жизнь. Княжеско-дружинный строй локализуется, из потомства Владимира Великого образуются местные, земские династии, которые, не имея возможности опереться исключительно на свои, сравнительно небольшие дружины, ищут опоры в самом населении, в земле, прислушиваются к голосу веча, стараются приобрести симпатии ее и часто действительно успевают в этом. В результате

киевским князьям, собирателям наследства Владимира Великого, приходится вести борьбу не только с князьями отдельных земель, но и с самими землями, отстаивающими свою обособленность...» [19, с. 60]. Здесь очень важно отметить удачность выбранной формулировки «обособленность», предполагающей широкую политическую автономию удела, а не его полную независимость от Киева и Руси. О том, что последние пользовались особыми правами, говорит и текст обращения киевлян к Владимиру в 1097 г. во время его конфликта со Святополком: «Молим, княже тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут *землю нашу* (выделено нами. – П.Г., Н.П.), которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Киевляне называют земли киевского великокняжеского домена «земля наша», хотя здесь параллельно идет речь и о всей территории Древнерусского государства, и о киевском уделе, и о землях (территориях, на которых существовало свое политическое или государственное самоуправление), присоединенных к Киеву. Кто такие «киевляне»? Летопись в данном случае не дает ответа. Однако было бы верно понимать под ними городские верхи, представленные «земским» боярством, старейшинами, купцы и ростовщики. Очень хорошую характеристику городской верхушке дал в свое время В.В. Мавродин: «...конечно, нельзя поставить знак равенства между «земским» феодалом, мелким дружинником и крупным боярином, «первой дружиной», «советниками», верхушкой духовенства, наконец, князем, но все они принадлежат к одному классу, господствующему классу, хотя и к различным группировкам последнего. К ним примыкает и купеческая ростовщическая верхушка» [14, с. 190–191].

Весьма интересно наблюдение А.А. Горского в отношении применения термина «земля». Использование его с территориальным определением А.А. Горский относит только к началу XII в. До этого времени термин применялся только в отношении всей Русской земли [22, с. 130–131]. Однако мы смеем предположить, что употребление киевлянами термина «наша земля» смещает нижнюю планку до 1097 г. Следовательно, «жители» Киева после Любечского съезда могли видеть в домене великого князя независимую территорию («государство»). Употребление категории «земля» могло указывать на существование государственной автономии. Очевидно, это не только земли великого князя, но и киевской городской общины. По всей видимости, киевляне могли небезосновательно опасаться передела владений киевского удела. А значит, перед нами не просто морализаторский призыв, а требование, упрек и юридическое обращение о необходимости соблюдать установленные

прежде договоренности. Причем упрек и мольба адресованы в адрес Владимира, а не Святополка. Что же касается отношений между братьями, то этот случай ясно указывал, что старшинство уже перестало играть безусловно решающей роли. По мнению И.Н. Данилевского, принцип старейшинства утратил свое прежнее значение с 1074 г., с восшествия на киевский великокняжеский стол Святослава Ярославича [9, с. 158]. Что же касается конфликта, разгоревшегося между потомками Ярославичей, то перед нами тот же случай. Однако на этот раз великого князя, возможно, неожиданно для него же самого, поддержали киевляне, выступившие за сохранение междукняжеских договоренностей. Небезынтересно, что прежде чем киевляне в 1097 г. отправили послов в стан Владимира, им пришлось удержать в городе собственного князя.

В итоге создается впечатление, что арест Святополка киевлянами был вызван желанием горожан спасти великого князя от более серьезных бедствий. Примечательно, что в тот год Владимир Мономах не угрожал киевлянам, однако горожане вмешались в междоусобицу братьев. Не был ли поступок жителей столицы связан с тем, что опасность, грозившая Святополку, возглавлявшему Киев и Русь, могла отождествляться в глазах общины с угрозами и в адрес самой столицы? В.И. Сергеевич полагал, что киевляне боялись разграбления, и у них были для этого основания. В качестве таковых Сергеевич приводил пример расправы над жителями города Всеволожа во время противостояния Давида и Володаря, брата ослепленного Василька [23, с. 4–5]. Между тем это событие произошло уже после известных событий у стен Киева, да и сомнительно, чтобы Владимир, пользовавшийся симпатией киевлян, и его братья могли преследовать цель разрушения и ограбления столицы [17, стб. 267–268; 18, стб. 242].

Во всяком случае, изгнание Святотополка открыло бы путь на киевский стол не Олегу Черниговскому, а Владимиру Мономаху [24, с. 164–165]. На этом этапе политической жизни подобное развитие событий, очевидно, не входило в планы столичной боярской верхушки. Так что вполне возможно, в 1097 г. противостояние Владимира Святополку могло оцениваться киевлянами как вмешательство во внутренние дела «матери городов Русских». Впрочем, киевляне могли преследовать и иную цель: восстановить распавшийся после ослепления Василька Теребовльского дуумвирата Святополка и Владимира, еще недавно успешно противостоявших степной угрозе [25, с. 64]. Правда, на этот раз ситуация способствовала сближению не только Киева и Переяславля, но и Чернигова, поддерживавших связи с половцами. Примечательно еще одно обстоятельство: в 1097 г. киевляне в качестве

своих представителей на переговорах выставили жену Всеволода и митрополита [18, стб. 227–228].

В результате можно почти с уверенностью утверждать: известия 1096 и 1097 гг. служат свидетельством того, что в закреплении феодального раздробления были заинтересованы не только князья, но и элита Древней Руси, представленная не только в лице боярства и руководителей городских общин, но и высшего духовенства, епископата и игуменов. По всей видимости, съезд 1096 г. должен был выразить не только княжеские интересы, но ожидания осевших на землю феодалов, самыми послушными из которых оказались церковные иерархи.

В любом случае мы видим, что процесс дробления Руси – явление весьма противоречивое. За договоренностью князей скрывались неафишируемые интересы элит древнерусского государства. Именно элит, а не одной верхушки восточнославянского общества. Примечательно, что новгородское летописание об этих съездах ничего не знает. Этот год описан в раннем новгородском летописании лаконично и безыскусно: «Слеплен бысть Василько Ростиславиць. В то же лето, зиме, победи Мьстислав с новгородци Олга на Кулятске, в великое говение. И того же лета, на весну, погоре он пол, а в 3 день погоре Детениць город; Илькину чадь избиша» [26, с. 202]. Еще более краткой оказалась Четвертая Новгородская летопись, известившая под 6605 г. только о князе Васильке и его обидчике Давиде: «Ослепплен бысть Василько Ростиславиць от строя своего Давыда Игоревича» [27, с. 138].

Получается, что единственное значимое событие, не связанное с новгородскими интересами, стало ослепление Василька Теребовльского. Однако более крупные события, такие как съезд князей в Любече, осада Киева, почему-то для летописца оказались неинтересными и малозначимыми. Следовательно, суд над князем и передел сфер влияния между внуками Ярослава для новгородцев не имели принципиального значения или же не осознавались как значимые для местного летописания. То, что Новгород уже давно различал свои интересы и интересы Киева, несомненно. Но то, что закрепление отчин не заинтересовало новгородцев, – случай любопытный. Значит, произошедшее в 1096–1097 гг. разделение для составителя новгородского летописания не было значимым событием. Не означает ли это, что к обозначенным годам новгородцы уже чувствовали себя политически «отделенными» от Киева?

Однако же для нас важнее иное: церковь как феодальный институт была причастна к «феодальным переделам» Руси, ища в этих событиях экономических и политических выгод и идя на поводу у своих князей, с которыми ее кровно связывали экономические и правовые интересы.

Библиографический список

1. Никольский, М.Н. История русской церкви / М.Н. Никольский. – Минск, 1990.
2. Пушкирев, С.Г. Обзор русской истории / С.Г. Пушкирев. – Ставрополь, 1993.
3. Культурология для технических вузов / под ред. М.В. Булановой-Топорковой. – Ростов н/Д., 2001.
4. Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь / под ред. патр. Алексия II. – М., 2000.
5. Аристов, Н.Я. Первые времена христианств в России по церковно-историческому содержанию русских летописей / Н.Я. Аристов. – СПб., 1888.
6. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. – 2-е изд., перераб. и доп. Вып. I: Об источниках церковного права и собраниях церковных правил / И.С. Бердников. – Казань, 1903.
7. Соловьев, И. Профессор П.В. Знаменский как историк Русской Церкви / И. Соловьев // Знаменский П.В. История Русской Церкви. – М., 2000.
8. Томсинов, В.А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века / В.А. Томсинов. – М., 2003.
9. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М., 2001.
10. Каргалов, В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси / А.В. Каргалов. – М., 1967.
11. Ермолаев, И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему / И.П. Ермолаев ; науч. ред. Э.И. Амерханова, Л.Ф. Недашковский ; рец. Ю.И. Смыков. – Казань, 2004.
12. Перхавко, В.Б. Воители Руси IX–XIII вв. / В.Б. Перхавко, Ю.В. Сухарев. – М., 2006.
13. Беляев, И.Д. Земский строй на Руси / И.Д. Беляев ; отв. ред. Ю.В. Кривошеев. – СПб., 2004.
14. Мавродин, В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) / В.В. Мавродин ; отв. ред. В.В. Яковлев. – СПб., 2002.
15. Ключевский, В.О. Боярская дума древней Руси // Русская история : в 5 т. / В.О. Ключевский ; под ред. А.Ф. Смирнова. – М., 2001. – Т. 4.
16. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич ; под ред. В.А. Томсинова. – М., 2004.
17. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 1.
18. ПСРЛ. – Т. 2.
19. Грушевский, М.С. Очерки истории украинского народа. – Киев, 1990.
20. Православная энциклопедия / под ред. патр. Алексия II. – М., 2005. – Т. 8.
21. Дьяконов, М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М.А. Дьяконов ; вступ. статья А.В. Майорова. – СПб., 2005.
22. Горский, А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства / А.А. Горский. – М., 2004.
23. Сергеевич, В.И. Древности русского права: Вече и князь. Советники князя / В.И. Сергеевич ; под ред. В.А. Томсинова. – М., 2006. – Т. 2.
24. Приселков, М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М.Д. Приселков ; отв. ред. В.В. Яковлев. – СПб., 2003.
25. Котляр, Н.Ф. Дипломатия Южной Руси / Н.Ф. Котляр. – СПб., 2003.
26. ПСРЛ. – Т. 3.
27. ПСРЛ. – Т. 4. – Ч. 1.